

О.Н. Меренкова

**ВЫСТАВКА ЦЕЙЛОНСКИХ РЕМЕСЕЛ 1962 года
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЮЖНОАЗИАТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ РАН
(по архивным иллюстративным материалам)**

Обращаясь к истории формирования южноазиатских (в частности, индийских) коллекций МАЭ РАН, отметим, что начало многим тематическим разделам было положено еще в XVII в. благодаря самым первым индийским коллекциям, поступившим в Кунсткамеру при Петре I. В каталогах начала XVIII в. указаны различные индийские сосуды, украшения, монеты, оружие, изделия из металла, слоновой кости и рога. Индийские вещи продолжали поступать в фонды музея и на протяжении XIX–XX вв. Их привозили представители знати, общественные деятели, врачи, художники, дипломаты, путешественники. В 1891 г. около 250 предметов индийского искусства и ремесла привез из своего путешествия на Восток цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. Индийские коллекции МАЭ пополнялись и за счет обмена с европейскими музеями.

Первой тематической коллекцией по Индии и Непалу музей обязан основателю российской индологической школы Ивану Павловичу Минаеву (1840–1890), в 1870–1880-х годах посетившему Индию, Цейлон, Бирму и Непал. В состав его коллекции, привезенной из этих стран, входили преимущественно культовые предметы. Заметный вклад в пополнение индийских коллекций сделали индологи А. Сталь-Гольштейн и С.Ф. Ольденбург, ботаник В.И. Липский и географ-натуралист А.Н. Краснов, востоковеды А.Н. Кознаков и М.С. Андреев, этнографы В.В. Радлов и А.И. Иванов [Альбедиль, Кисляков, Ревуненкова 2012: 3].

В начале XX в. самым крупным пополнением фондов явились коллекции, собранные А.М. и Л.А. Мервартами во время их экспедиции 1914–1918 гг. в Индию и на Цейлон. В рамках этой экспедиции велся целенаправленный сбор коллекций именно по тематическим разделам. Благодаря полевым изысканиям А.М. и Л.А. Мервартов в фонды МАЭ поступило несколько тысяч этнографических предметов и фотографий. В последующие годы проводились регистрация и учет этих коллекций в книгах поступлений МАЭ и составление описей. Огромную часть работ выполнила сама Л.А. Мерварт. Некоторые из описей на привезенные коллекции снабжены прекрасными рисунками, которые дают неоценимую помощь при работе с предметами.

До середины XX в. индийские предметы продолжали поступать в фонды МАЭ, но число их было сравнительно невелико. Тем более значимым для истории формирования коллекций оказалось поступление предметов индийского искусства после выставки в Москве в 1955 г. С 1956 по 1959 г. МАЭ получил около 600 предметов. Важность этого поступления состоит не только в количественном значении, которое само по себе определяет его показательность, но и в том, что благодаря новым этнографическим предметам оказались существенно дополненными тематические разделы, иллюстрирующие культурные явления, быт и религиозные верования различных народов Индии и Цейлона.

Обратиться к истории формирования фонда МАЭ РАН по индийским коллекциям этого периода побудили найденные в процессе сверки иллюстративного фонда 2015 г. по разделу «Индия» любопытные фотографии, первоначально атрибутированные как безномерные. При более тщательном рассмотрении и анализе изображенных объектов стало очевидно, что данные материалы посвящены индийской экспозиции, расположенной не на втором этаже в зале № 11, где в настоящее время размещена экспозиция «Индия», а на первом этаже в зале № 4, где сейчас находится экспозиция «Япония».

При обращении в Архив МАЭ РАН было установлено, что найденные снимки сделаны в 1962 г. во время проведения временной выставки «Искусство Цейлона», которая проходила с 17 сентября по 25 ноября 1962 г. в Музее антропологии и этнографии. При дальнейшем рассмотрении обнаружилось архивное дело (ф. К-IV, оп. 8, д. 34), в котором хранится 64 снимка, иллюстрирующих тематические разделы выставки, а также копия книги отзывов, написанных посетителями после посещения временной экспозиции. Интересно рассмотреть тему организации выставки в историческом контексте, а именно с позиции пополнения фондов Музея антропологии и этнографии в 1955–1959 гг. В эти годы в рамках расширения культурных и экономических связей между Россией и Индией в нашей стране проводилось множество выставок, посвященных культуре и ремесленному искусству Индии.

Особое внимание следует уделить выставке кустарных изделий Индии, прошедшей в Москве в октябре–ноябре 1955 г. Она была организована по инициативе Совета искусств Индии с целью широкого показа произведений национального искусства в Советском Союзе и странах Европы. На выставке были представлены многие предметы, иллюстрировавшие богатство художественных ремесел и высокое мастерство индийских ремесленников: образ-

Рис. 1. Фотография выставки «Искусство Цейлона». 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

цы резьбы по камню, дереву, кости, металлические, тканые и плетеные изделия. Одним из многочисленных предметов, очаровавших посетителей выставки, оказалась каменная статуэтка, изображающая девушку с попугаем. Эта работа мастеров из индийского штата Орисса, которая точно воспроизводит в миниатюре скульптурную композицию, характерную для древних храмов и дворцов.

Трудно перечислить все виды ремесленных изделий, которыми славится Индия. Художественным ремеслом в этой стране с давних пор и по сей день занимаются миллионы людей, и обучаются этому профессионально.

Первоначально выставка кустарных изделий Индии экспонировалась в Москве, а уже затем в Ленинграде, в Музее антропологии и этнографии, причем здесь выстав-

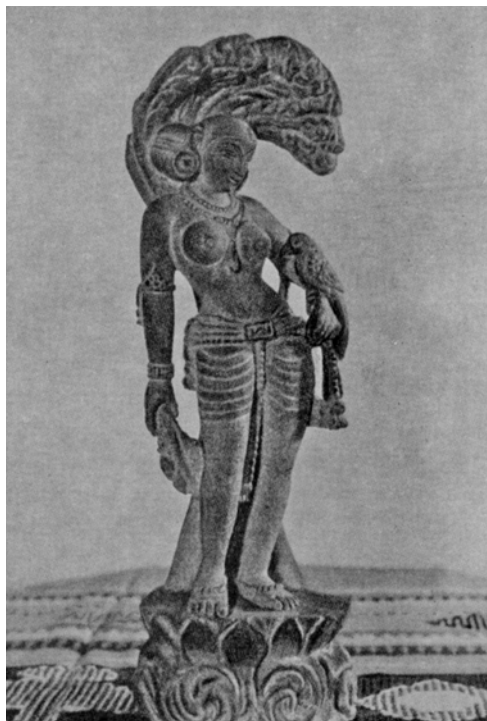

Рис. 2. Девушка с попугаем.
Открытка к выставке кустарных изделий
Индии. Москва, 1955 г.

ка была дополнена экспонатами, уже имевшимися в фондах музея. После проведения выставки кустарных изделий Индии в Москве в последующие годы от Министерства культуры СССР различные предметы поступили в фонды МАЭ через московский Государственный музей восточных культур, а также через московскую часть Института этнографии АН СССР. В 1956 г. в книге поступлений МАЭ были зарегистрированы десять коллекций по фонду «Индия» (№ 6206–6210, 6224–6226, 6255, 6256), состоящие из различных этнографических предметов, разделенных тематически (плетеные вещи, украшения, игрушки, статуэтки, представляющие типы населения) и по материалу изготовления (предметы из металла, кожи, ткани, дерева, слоновой кости и рога). Регистрировала эти предметы Л.Б. Баславская в 1957 г. Общее число поступивших предметов, согласно книге поступлений МАЭ, составило 326 номеров, 394 единицы хранения.

В настоящее время на экспозиции «Индия» представлено более 30 предметов из перечисленных коллекций. Это удалось проследить частично благодаря фотопечатной продукции, посвященной выставке кустарных изделий 1955 г., в частности памятным открыткам. На них изображены предметы московской выставки, которые и сейчас можно видеть на современной экспозиции «Индия» в МАЭ. Например, удалось установить, что предметы, известные под номерами 6209-29 «Композиция: выезд за невестой на слоне», 6209-87 и 6209-88 «Манекены, изображающие жениха и невесту», прибыли в фонды МАЭ с московской выставки, причем одежда и украшения (входят в состав коллекции № 6209) на манекенах представлены почти в том же виде, что и в 1955 г.

Кроме того, при работе с документами по современной экспозиции «Индия» обнаружилось, что предметами с московской выставки были дополнены и другие тематические разделы. Например, в шкафу № 30 «Изделия из дерева» находятся образцы резьбы по дереву из коллекции 6207: изображение кобры (№ 6207-19), кинжал в резных ножнах (№ 6207-86а, б), набор небольших столиков (6207-82–84). Циновки из коллекции 6226 составляют раздел в шкафу № 9 «Ткани и ткачество», а также являются декоративными элементами для тематических разделов шкафов № 6 «Одежда крестьянина и предметы быта» (№ 6226-2) и № 7 «Традиционная индийская кухня» (№ 6226-31).

Рис. 3. Манекены, изображающие жениха и невесту. Открытка к выставке кустарных изделий Индии. Москва, 1955 г.

Разумеется, время постепенно оставляет свои следы на экспонатах: меняется состояние их сохранности, могут наблюдаться незначительные потери и сколы, например на предметах из дерева, потемнение и запыление красочного слоя. Однако эти предметы и по сей день не потеряли своей информативности и прекрасно существуют в современном выставочном пространстве экспозиции «Индия».

Возвращаясь к истории пополнения фондов МАЭ, следует отметить, что в 1958 г. от Министерства культуры СССР поступили еще две коллекции. Коллекция 6330 была собрана Всеиндийским управлением ремесел и передана в фонды МАЭ через Государственный музей восточных культур. В ее состав вошли изделия из металла, образцы тканей и украшения. Зарегистрирована она в декабре 1958 г. Л.Б. Баславской. Другая коллекция — 6332 «Маски театральные» — была передана от Ленинградского театрального государственного музея и зарегистрирована в 1959 г. С.А. Болдыревой. В общей сложности эти коллекции насчитывали 71 предмет, 71 единицу хранения.

Еще одним значимым поступлением в фонды МАЭ по разделу «Индия» в 1959 г. оказалась передача пяти коллекций (№ 6376–6380), зарегистрированных Л.Б. Баславской, от Министерства культуры СССР через Государственный музей восточных культур. Эти коллекции (169 номеров и единиц хранения) были собраны с целью представить искусство Цейлона на примере различных предметов, демонстрирующих высокое мастерство местных ремесленников.

Благодаря новым поступлениям, а также на материале, уже имевшемся в предметном фонде «Индия», исследователи и сотрудники музея Арсений Дмитриевич Авдеев и Георгий Адамович Гловацкий в 1962 г. приняли решение об организации временной выставки «Искусство Цейлона». Следует несколько слов сказать о самих авторах выставки, разработавших ее концепцию и осуществивших монтаж.

А.Д. Авдеев — специалист по истории первобытного общества. В сферу его научных интересов преимущественно входили происхождение и развитие театра в первобытную эпоху [Решетов 2012: 36], а также особое место в его исследованиях отводилось изучению масок¹.

Другой автор выставки — Г.А. Гловацкий — пришел на работу в МАЭ еще до Великой Отечественной войны, затем сражался на фронте и был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Вернувшись с фронта, Г.А. Гловацкий снова приступил к работе в МАЭ в отделе Восточной и Южной Азии, где проработал более 40 лет, занимаясь ведением музейной работы [Кисляков 2008: 83–84].

¹ См., напр.: Маска (опыт типологической классификации по этнографическим материалам). Ст. 1 // Сборник Музея антропологии и этнографии [научные статьи] / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 232–344; Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи] / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. С.П. Толстов. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 18. С. 279–304; Происхождение театра. М., 1959; Индонезийский театр «вайянг-кулит» // СЭ. 1966. № 5. С. 43–57.

Рис. 4. А.Д. Авдеев.
Фонд МАЭ РАН. Особая кладовая.
Ящик 584

В отличие от организаторов московской выставки кустарных ремесел Индии 1955 г., А.Д. Авдеев и Г.А. Гловацкий решили ограничить географические рамки и создать временную выставку «Искусство Цейлона». Их идею поддержал Совет искусств и Департамент культуры Цейлона.

Несмотря на то что рабочие материалы по концепции выставки не сохранились, о масштабах экспозиции, ее концепции и тематических разделах можно судить, проанализировав работы: Авдеев А.Д., Кочнев В.И. «Выставка искусства Цейлона в Музее антропологии и этнографии» и Краснодембская Н.Г. «Искусство «Львиного» острова». Общую картину также дополняют найденные в Архиве МАЭ снимки.

Выставка искусства Цейлона состояла из трех разделов. Первый раздел был посвящен настенной хра-

мовой живописи Цейлона V–XIX вв. Следует напомнить, что с самого возникновения и в дальнейшем искусство Цейлона было тесно связано с буддизмом, который возник в Индии в середине I тыс. до н.э., а в III в. до н.э. появился и на Цейлоне, где стал господствующей религией. Памятники ранней и средневековой архитектуры Цейлона представлены различными типами культовых сооружений буддизма. События легендарной жизни Будды, отдельные эпизоды из джатак послужили основой для сюжета настенных росписей буддийских храмов.

С давних времен в некоторых старых буддийских храмах в районе города Канди можно увидеть ткани с росписью, известные под названием *читра*, которые использовались в качестве пологов или храмовых занавесов. Расцвет искусства читры приходился на XVII–XVIII вв. Темы, выбранные художниками таких росписей, как правило, были связаны с историческими событиями и сценами из повседневной жизни кандийского государства. На выставке 1962 г. был представлен целый ряд таких тканей, например полотно «Кандийские танцы». Удивительно, насколько в данном изображении мастеру удалось передать динамичность действия и образы девушек, каждая из которых имеет свой отличительный вид и характер.

Также зрителю было представлено множество рисунков-копий древних памятников изобразительного искусства Цейлона, посвященных различным этапам жизни Будды. Эти рисунки были подготовлены индийскими художниками специально для выставки. В частности, копии художника Стенли Абейясингха знакомят зрителей с характером древних росписей V в. хра-

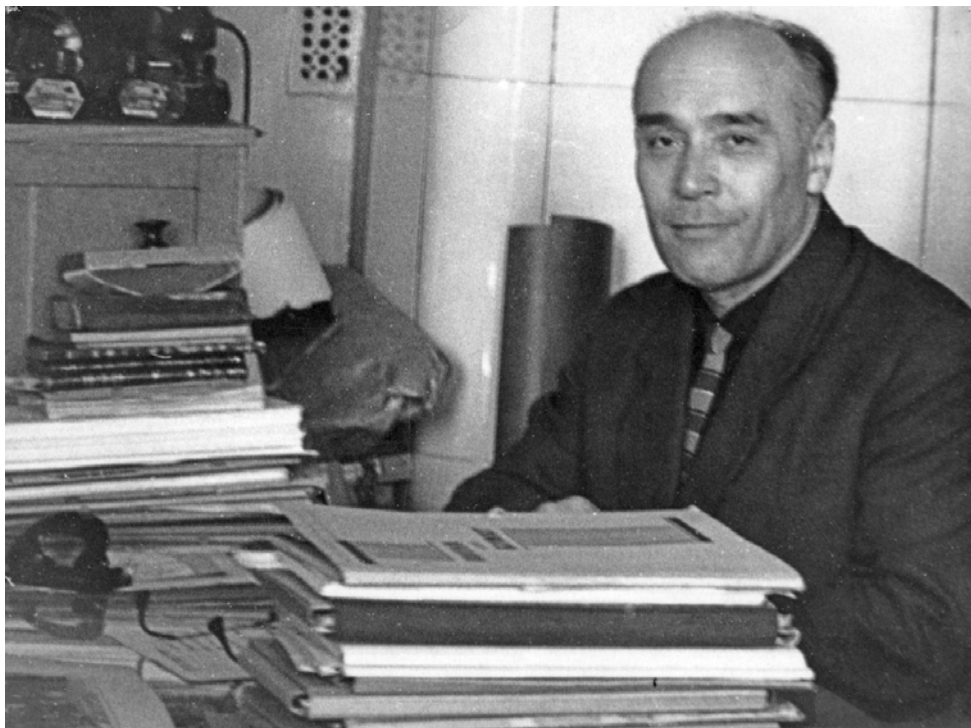

Рис 5. Г.А. Гловацкий. 1960-е годы. Фонд МАЭ РАН.
Особая кладовая. Ящик 584

ма Димбулгала, сюжеты которых заимствованы главным образом из джатак и посвящены Будде. Другой художник — Вималасена Диас — воспроизводит на большом панно росписи буддийского храма недалеко от Коломбо. Также этому художнику принадлежат несколько рисунков планетных богов для церемоний *бали*, которые связаны с изгнанием злого демона из больного. Эти ритуальные обряды восходят к далекому прошлому, когда цейлонцы за излечением обращались к разного рода заклинателям. Церемония бали основывается на представлении о том, что положение планет и созвездий во время рождения человека влияет на его судьбу. Основным моментом церемонии является создание в виде фантастического существа той или иной планеты, которая могла бы оказать положительное влияние на жизнь человека [Краснодембская 1963: 206].

На одном из представленных рисунков можно видеть изображение демона культа — четырехрукую кровожадную фигуру, впивающуюся в человеческое тело, держащую в руках диких зверей и подавляющую слона. По смазанной надписи на рисунке можно разобрать имя демона «Маханиланга Ракша Балия» («Великий Синетелый»). Вероятно, изображение этого демона в контексте культа бали соотносится с планетой Сатурн (атрибуция Н.Г. Краснодембской).

Второй раздел выставки был посвящен изделиям ремесленников и художественно-декоративному искусству. Тематически он подразделялся следующим образом: различные произведения ремесленного искусства из бронзы, латуни, стекла, декоративная и бытовая керамика, ювелирные изделия, образ-

Рис. 6. Кандийские танцы. 1962 г. Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Рис. 7. Демон. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Рис. 8. Витрина с плетеными изделиями. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

цы резьбы по слоновой кости и черепаховых пластин [Краснодембская, Меренкова 2014: 115–128], а также резьба из ценных пород дерева. В витринах также были представлены плетеные изделия из растительных материалов и образцы традиционных ручных ткацких изделий. Выставлялись разнообразные циновки, сумочки, корзинки, шляпы и подставки. Для их изготовления

Рис. 9. Витрина с керамикой. Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

применяются некоторые виды местного тростника и выкрашенных в различные цвета волокна растения «хана» [Краснодембская 1963: 207]. Характерным и для плетеных предметов, и для тканей ручной работы является простой геометрический узор или узор из стилизованных растений (лотосов) и животных: слонов, львов, павлинов и т.д.

Два больших шкафа были посвящены образцам цейлонской керамики. В одном экспонировалась декоративная керамика, а в другом — бытовая, хотя сами авторы выставки признали, что это деление условное [Авдеев, Кочнев 1963: 195]. К декоративной керамике изделия были отнесены по признаку более богатого орнамента — скорее всего, такие вещи редко использовались

Рис. 10. Витрина с бытовой керамикой и фигурками животных. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

в быту, а чаще выполняли декоративную функцию. Здесь были представлены как простые глиняные сосуды без всякой росписи, так и кувшины и вазы с тонко выполненным рисунком, отличающиеся разнообразием и изяществом форм. Особое место занимала кандийская керамика, получившая свое имя по названию города Канди.

Для нанесения орнамента керамические изделия сначала покрывают несколькими слоями желтой краски, затем на этот фон наносят рисунок. Основным мотивом украшения таких изделий является растительный и геометрический орнамент, но иногда воспроизводятся фигурки животных и даже сцены, посвященные историческим или легендарным событиям.

Рис. 11. Витрина с гравированными изделиями из металла. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Интересно отметить, что на современной экспозиции «Индия» выставлены некоторые керамические изделия, поучаствовавшие в выставке 1962 г. Это предметы из коллекции 3069, собранной А.М. и Л.А. Мервартами во время их экспедиции 1914–1918 гг. в Индию и на Цейлон [Краснодембская 1973: 158]. Например, декоративный сосуд «буммедия» № 3069-25 с широким туловом, на ножке, с узким длинным горлом, а также праздничный сосуд «сембу» № 3069-7 с растительным орнаментом, представляющим желтые ветки

с красными цветами на черном фоне. Подробно о сингальской керамике в собраниях МАЭ писала Н.Г. Краснодембская [Краснодембская 1969].

Особую группу на выставке составили многочисленные терракотовые изделия, широко распространенные в настоящее время на Цейлоне. Это раскрашенные фигурки различных животных: льва, слона, собаки, оленя и т.д. Многие из них выполнены в виде копилочек.

Среди прочего на выставке были представлены разнообразные образцы чеканных и гравированных предметов утвари. Чеканка — древнее ремесло на Цейлоне, распространенное главным образом в районе города Канди, поэтому гравированные и чеканные предметы часто называют «кандийскими» [Авдеев, Кочнев 1963: 195]. В витринах были отобраны различные предметы (особенно широко представлены большие блюда и подносы) со сложнейшими узорами растительного и животного характера, по которым посетители музея могли получить наглядное представление о высокой технике и мастерстве цейлонских ремесленников.

Третий раздел выставки рассказывал о театральном искусстве. Значительную часть выставленных экспонатов занимали маски. Цейлонские маски настолько своеобразны по своему содержанию, цветовому решению и принципам орнаментики, что их трудно спутать с подобными произведениями других народов [Краснодембская 1963: 207]. На выставке были представлены зрителю маски анимистической шаманской церемонии *товил*, что значит «пляска дьяволов», а также многочисленные маски сингальского народного театра *колам*.

Маски *товил* наиболее древние. Многие сингалы до сих пор верят в то, что причиной всяческих болезней человека является злой демон, вселившийся в него и терзающий больного. Для изгнания демона приглашают особого специалиста — *каттадия*, который приходит на церемонию с помощником и различными масками. Эти маски называют *санниаку* — демоны различных болезней. На выставке можно было видеть как маску самого главного демона с его восемнадцатью спутниками-помощниками, так и маски, представляющие отдельных демонов болезней: паралич, слепоту, глухоту и т.д. Для изгнания демона болезни проводят сложный обряд, во время которого разыгрывают яркое театральное представление. Демону предлагают богатые дары: цветы, угощения и другое, чтобы он смилился и покинул тело больного. Маска демона 18-ти болезней — наиболее крупная по размерам, символизирующая мощь демонического персонажа. Этот предмет из коллекции 3106 в настоящее время представлен на постоянной экспозиции МАЭ.

Еще один любопытный предмет, участвующий в различных культовых церемониях, — изображение демона Гараяки (№ 6377-72). Гараяка — персонаж ланкийского демонического культа, хранитель благополучия дома. У двуполого демона мужское имя и женская атрибутика в костюме и поведении. У него два лица: мужское — грозное и женское — милосердное. Изображение демона используется в сингальских обрядах. Его носят перед свадьбой, а также во время буддийских торжеств в качестве защитника от злых духов. Этот предмет также представлен на современной экспозиции.

Рис. 12. Фото масок принцев. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Из различных культовых церемоний произошли на Цейлоне народные театральные представления *колам*, в которых все действующие персонажи выступают в масках. Маски делятся на три группы: маски людей (царей, слуг, шутов, торговцев, колонизаторов), сверхъестественных существ (богов и демонов) и маски животных. Главная часть *колам* представляет собой инсценировку одной или нескольких пьесок, содержанием которых служат сказания из древней и новой истории страны, а также повседневные сюжеты деревенской жизни [Авдеев, Кочнев 1963: 198].

Центральное место в представлении занимают маски королевского двора — короля, королевы, принца, шута и т.д. Эти маски довольно велики по размерам, в том числе благодаря высоким стилизованным головным уборам. Как правило, ни одна из масок «двора» не имеет ротового отверстия, поскольку придворные персонажи сами не разговаривают. Речевая часть представления исполняется чаще всего специальным человеком, а персонаж в маске выполняет сложную пантомиму и танец. Однако иногда в масках персонажей комического характера имеются речевые отверстия для самостоятельного произнесения речи актером. Всего на выставке «Искусство Цейлона» было представлено более 100 масок, поразивших зрителя своим многообразием, красочностью и высоким мастерством цейлонских мастеров.

Отдельного упоминания требует книга отзывов посетителей выставки, хранящаяся в архиве МАЭ РАН. Из нее можно узнать, что на выставке побывали ученики ленинградских школ, студенты ЛЭТИ, Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина и других вузов, ученые-востоковеды, рабочие и служащие ленинградских фабрик и заводов и даже гости из Калькутты. В большинстве отзывов говорится о том, что выставка была чрезвычайно интересна и хорошо оформлена. «Выставка искусства Цейлона поражает прежде всего своей народностью, колоритностью народных талантов. Большое эстетическое наслаждение приносят изделия из кости, мрамора, пластинок черепахи. Поистине современно отображает выставка настроение народа Цейлона», — так писал один из посетителей выставки В. Козулин в октябре 1962 г. [АМАЭ: Книга отзывов]. Посетители также выражали огромную благодарность организаторам за возможность ознакомления с интереснейшими экспонатами.

О выставке «Искусство Цейлона» 1962 г. в Музее антропологии и этнографии писали и в новостных печатных изданиях того периода. Например, в газете «Ленинградская правда» были опубликованы две заметки — от 18.11.1962 и 28.11.1962, оповещавшие ленинградцев об открытии выставки. Также упоминания о выставке найдены в вырезках газет «Вечерний Ленинград» № 251 от 23.10.62 и «Ленинградский университет» № 62 от 4.12.1962.

Инициированная Департаментом культуры Цейлона и организованная сотрудниками Музея антропологии и этнографии выставка «Искусство Цейлона» в 1962 г. дала уникальную возможность показать посетителям на примере имевшихся к тому времени в фондах МАЭ и вновь обретенных предметах, поступивших после прошедшей в Москве выставки кустарных ремесел 1955 г., все разнообразие народного творчества и огромного культурного наследия Цейлона. Общее число выставленных экспонатов составило около 600 предметов. Некоторые предметы оказались настолько репрезентативными (например, некоторые маски и образцы керамики), что и в наше время украшают собой современную экспозицию «Индия» МАЭ РАН.

Источники

АМАЭ: Книга отзывов // Архив МАЭ РАН. К-IV. Оп. 8. Д. 34. 64 шт.

АМАЭ: Фотографии с выставки «Искусство Цейлона. 1962 г.» // Архив МАЭ РАН. К-IV. Оп. 8. Д. 34. 64 шт.

Встреча с далеким островом // Ленинградская правда. 18.11.1962.

Искусство древней и молодой страны // Ленинградская правда. 28.11.1962.

Искусство «Львиного» острова // Ленинградский университет. 04.12.1962.

Библиография

Авдеев А.Д., Кочнев В.И. Выставка искусства Цейлона в Музее антропологии и этнографии // Советская этнография. 1963. № 3. С. 193–199.

Альбедиль М.Ф., Кисляков В.Н., Ревуненкова Е.В. Индия. Индонезия: Путеводитель / Под ред. К.А. Носовской, Ю.А. Купиной, Ю.К. Чистова. СПб.: МАЭ РАН, 2012.

Кисляков В.Н. Об одной китайской коллекции из фондов МАЭ РАН (к 95-летию со дня рождения Г.А. Гловацкого) // Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточных исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2005–2006. Вып. 5 / Под ред. А.М. Решетова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 83–88.

Краснодембская Н.Г. Искусство «Львиного» острова // Нева. 1963. № 7. С. 204–207.

Краснодембская Н.Г. Расписная сингальская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов зарубежной Азии и Океании / Отв. ред. Л.П. Потапов, Р.Ф. Итс. Л.: Наука, 1969. С. 195–212. (Сб. МАЭ. Т. XXV).

Краснодембская Н.Г., Меренкова О.Н. Шри Ланка: изделия из черепахового панциря в прошлом и настоящем (по материалам коллекции А.М. и Л.А. Мервартов) // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 115–128.

Краснодембская Н.Г. Цейлонская коллекция МАЭ. Экспедиция Академии наук 1914–1918 гг. // Культура народов Зарубежной Азии / Отв. ред. Л.П. Потапов, Р.Ф. Итс. Л.: Наука, 1973. С. 158–171. (Сб. МАЭ. Т. XXIX).

Решетов А.М. Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов XX век. СПб.: МАЭ РАН, 2012. (Кунсткамера. Архив. Т. V).